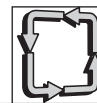

Тематическое пространство социальной эпистемологии

Н. И. МАРТИШИНА

Последовательно развиваемое Еленой Аркадьевной убеждение в том, что в развитии научного познания имеет место взаимодополнительность когнитивных и социальных факторов и социально запрограммированные течения в науке наталкиваются на естественный ограничитель в виде существования – все-таки – объективной истины, представляется мне наиболее взвешенной (чтобы не сказать – единственной рациональной) позицией в теоретических исследованиях науки. Но, на мой взгляд, эта позиция все же оставляет «когнитивную нишу» для социальной эпистемологии и, более того, создает возможность ее определения. Если существует сложная совокупность факторов, переплетающихся в детерминации некоторого процесса, вполне правомерным способом его изучения становится выделение определенной группы факторов для специального рассмотрения. Такое выделение и осуществляет социальная эпистемология, фокусирующая свое внимание на взаимодействии познания вообще и науки как вида познания с социальным контекстом.

Существует ли специфика позиции социальной эпистемологии по отношению к общей философской теории познания? С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что социальная эпистемология – это продолжение определенной традиции, восходящей к И. Канту и Г. Гегелю и трактующей познание как приложение субъектных сил и фондов человеческого бытия, сформированных предшествующим культурным опытом. Но с другой – это современная трансформация данной традиции, обусловленная и новыми социальными реалиями, и новым уровнем развития прикладных когнитивных наук. Среди моментов существенной новизны в основаниях постановки проблем представляются ключевыми следующие обстоятельства. Во-первых, гносеологическая традиция рассматривала прежде всего процесс про-

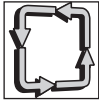

изводства знания как более важный по сравнению с процессами его трансляции и освоения (трактуемыми все-таки как вторичные). Но в современном мире процессы трансляции знания, трансформации его в коммуникационных потоках, проблема реальной доступности информации, вариативность интерпретаций оказываются уже не теми обстоятельствами, от которых можно абстрагироваться без особых потерь для понимания того, как происходит познание. И эти факторы попадают в тематическое пространство социальной эпистемологии.

Во-вторых, в философии последних десятилетий социальное – это не то, что рассматривается как внешняя противоположность индивидуального, детерминирующая его и проявляющаяся в нем в диалектическом взаимодействии. Социальное раскрывается в индивидуальном, но и базируется на нем, и многообразие индивидуального расширяет спектр бытия социального. Социальная философия XX в. пришла и к более «богатому» пониманию индивидуального, и к переоценке его значимости в исторических процессах. Учитывающая этот опыт социальная эпистемология реально исходит из снятой дилеммы «гносеологическая робинзоада / социокультурная детерминация познания»: в ней «законным объектом» рассмотрения становится индивидуальное познание, понимаемое как необходимый и важный уровень социального процесса.

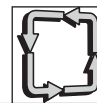
В-третьих, различные аспекты познания в значительно большей степени рассматриваются в динамике, подразумевающей, что определенная познавательная операция не просто повторяется снова и снова, но и происходит в постоянно меняющихся условиях, от которых опять-таки абстрагироваться уже не удастся. Например, язык рассматривается не только как исторически сложившийся и функционирующий в социуме, но и как находящийся в процессе постоянного творения и изменения феномен. И поток стихийного словотворчества, изменений словоупотребления и т.д. ставит вопрос о том, как со словами обращаются люди, в один ряд с ключевым для общей теории познания вопросом об отношении слова к обозначаемым объектам. Таким образом, социальная эпистемология выводит на первый план ряд проблем (которые, безусловно, присутствовали в традиционной теории познания, но все-таки наряду с другими проблемами), стремясь при этом к более пристальному и содержательному их рассмотрению.

Можно ли определить социальную эпистемологию как область исследований, в которой указанные проблемы «должны решаться социологическими методами и средствами»? Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить, что мы, собственно, понимаем под методами социологии. Методы эмпирической социологии – это наблюдение, анкетный опрос, работа с фокус-группами, контент-анализ документации и т.д. Конкретные исследования, выполненные этими методами, их авторы чаще всего и относят к социологии науки; при обращении к данным такого рода в контексте социальной эпистемологии, по

крайней мере, отечественные авторы обычно используют их, как вообще используют в философии фактические данные конкретных наук (например, как часто использовались в исследованиях познания свидетельства физиологии высшей нервной деятельности), для построения собственно-философских обобщений и выводов. Если же вести речь о теоретической социологии, то возникает проблема четких оснований ее демаркации (причем во всех формах существования) с социальной философией именно на уровне методов, причем представляется, что разграничение критериального типа (не на уровне большего / меньшего выражения некоторых качеств, а на уровне их наличия / отсутствия) здесь недостаточно определено для однозначной квалификации конкретных концепций. Теоретическая социология базируется на эмпирических данных и осуществляет системный анализ; но многие направления современной философии также демонстрируют повышенную внимательность к фактам и ориентацию на системность рассмотрения.

Вместе с тем определенная методологическая новизна, в том числе в плане обращения с фактами, в социальной эпистемологии есть. Социальная эпистемология оказалась, по-видимому, одной из наиболее актуальных зон роста философского познания в связи с определенной исчерпанностью возможностей решения некоторых традиционных проблем теории познания традиционными средствами. Обосновав, в частности, общими философскими положениями и историко-культурными аргументами тезис о социальной обусловленности познания, мы хотели бы продвинуться дальше в понимании того, как именно она реализуется. В результате открываются два возможных пути такого продвижения. Можно двинуться в пространство социума, рассматривая, какие именно общественные отношения, конфликты, позиции социальных групп обуславливают возникновение той или иной концепции (в наиболее упрощенных вариантах добираться до социальных предпосылок любой научной идеи). А можно отправиться на территорию знания и начать анализировать различные его аспекты и компоненты в социальном контексте. Социальную эпистемологию, на мой взгляд, наиболее отчетливо выводит из сферы социологии науки именно этот путь. Такое исследование позволяет привлечь значительный объем нового эмпирического материала, полученного не только в рамках конкретной социологии, но и в теоретических границах лингвистики, этнографии, семиотики, антропологии и т.д. Вместе с тем этот материал вовлекается именно в философское рассмотрение, поскольку служит для решения фундаментальных философских проблем – соотношения знания не только с его объектом, но и с субъектом. Появление в философии познания нового массива фактов, данных, ракурсов рассмотрения проблемы само по себе индуцирует позитивный сдвиг в понимании рассматриваемых процессов. По-видимому, перспективы социальной эпистемологии связаны с

тем, насколько эффективно обнаруживаемые эмпирически закономерности будут интегрироваться в общую картину.

Обязательна ли для социальной эпистемологии поддержка «сильной программы» социологии познания, т.е. признание не гносеологической, а исключительно социальной детерминированности не только обращения науки к той или иной тематике и используемого в каждую эпоху инструментария познания, но и конкретного содержания выдвигаемых теорий? Иначе говоря, обязан ли исследователь, сосредоточив свое внимание на некоторых сторонах изучаемого объекта, отрицать существование всех остальных аспектов? По-видимому, нет – декларации типа полной социальной детерминированности содержания науки мы действительно находим лишь в крайних вариантах западной социологии познания.

Большинство работающих под эгидой социальной эпистемологии отнюдь не отрицает логику внутрикогнитивного развития, но исходит из того, что признание этой составляющей не нуждается каждый раз в самостоятельной аргументации и подразумевается «по умолчанию». А вот адекватное включение в пространство теоретической рефлексии над познанием его социальных детерминант – более новая и, возможно, более сложная задача. (Не случайно Т. Кун, обозначая ее, сравнивает данную проблему с ящиком Пандоры. Кстати, если принимать его работу за один из отправных вариантов, можно заметить, что в ней говорится не о необходимости совершенно иной трактовки познания, а о необходимости для понимания того, как реально оно происходит, привлечь к рассмотрению аспекты, не фиксировавшиеся специально ранее.) Поскольку социокультурный ракурс всегда был периферийным, в концептуальном взрыве разработок в данном направлении порой присутствовал эффект «перегибания палки».

Но крайние варианты – это всегда полемически заостренные версии, которые обычно приобретают более рациональную форму в процессе применения к реальности. Кстати, четкий переход от декларируемого интернализма в науковедении к столь же радикально декларируемому экстернализму – это особенность развития скорее европейской эпистемологии. В отечественной теории познания и философии науки был накоплен значительный опыт исследований социального контекста познания исходя из материалистической его трактовки. И этот опыт может быть использован как основание самостоятельного развития отечественной школы социальной эпистемологии.

Социальная эпистемология, на мой взгляд, может быть представлена как исследовательская программа, которая не обязательно должна исключать другие подходы к изучению познания или исключаться ими. Ее предметом являются реальные процессы познания, протекающие в определенных социокультурных параметрах. И такое содержательное рассмотрение, безусловно, обогащает философскую теорию познания в целом.